

УДК 316

ОСВАИВАЯ «МИР ЯДОВА»: К ИЗУЧЕНИЮ БИОГРАФИИ И НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ В. А. ЯДОВА

Б. З. Докторов

*Доктор философских наук, профессор,
Фостер Сити, Калифорния,
Соединенные Штаты Америки*

LEARNING “YADOV’S WORLD”: TO THE STUDY OF BIOGRAPHY AND SCIENTIFIC HERITAGE OF V. A. YADOV

B. Z. Doktorov

*Doctor of Philosophical Sciences, professor,
Foster City, California,
United States of America*

Abstract. The article describes the biography of the famous Russian sociologist V. A. Yadov, who developed methodologies and techniques of sociological research, which were the only guide for sociologists for many years. Yadov’s dispositional theory helps to understand how complex, multi-dimensional world of the individual. It is shown how under the influence of the scientist there was a "peaceful transition" from Soviet sociology to the post-Soviet (multiparadigmatic character approach).

Keywords: sociology; Russian sociological school; personality; V. A. Yadov; historical and biographical research.

Вторая половина 2015 – начало 2016 года – это время привыкания российского социологического сообщества к существованию без Владимира Александровича Ядова (25 апреля 1929 – 2 июля 2015). Ведь в отечественной послевоенной, или постхрущевской, социологии он был всегда, свыше полувека. Но, конечно же, его место и роль в нашей науке определяются не столько годами, отданными становлению и развитию социологии, сколько его трудами и позицией в коммуникационном мире многопоколенного сообщества социальных исследователей.

В 2009 году, в связи с 80-летием В. А. Ядова я написал биографическую заметку и отметил в ней, что советская социология начинается с буквы “Я” [3]. Всё рассказанное о его жизни и работе было исторически верно, но всё же заголовков был во многом метафоричен. Однако последующие годы снизили уровень

метафоричности этих слов и, напротив, усилили буквальный смысл сказанного. Такова правда жизни.

Под руководством Ядова было защищено свыше 60 кандидатских диссертаций, десятки учёных, выбирая темы и разрабатывая свои докторские исследования, консультировались с ним. Неисчислимо число социологов разного возраста помнят лекции Ядова, семинары, на которых он выступал, помнят вопросы, которые он им задавал и свои ответы ему. Книга «Человек и его работа», написанная им совместно с А. Г. Здравомысловым, продемонстрировала новый подход к познанию общества, на долгие годы стала гидом в социологию и породила в стране разветвлённую систему изучения отношения к труду разных слоёв населения. Книга Ядова по методологии и технике социологических исследований на протяжении многих лет была единственным учебни-

ком, по которому язык науки осваивали все поколения советских и постсоветских социологов. Диспозиционная теория личности – любимое Ядовское дитё – помогает осознать, насколько сложен, многомерен мир личности. Во-многом под влиянием Ядова произошёл «мирный переход» от советской социологии к постсоветской, имеется в виду его полипарадигмальный подход. На Западе советскую, российскую социологию в значительной степени олицетворяет собой Ядов.

Занимаясь, в значительной степени по инициативе Ядова, историей современной российской социологией, я могу с уверенностью сказать, что его вклад, его присутствие обнаруживаются на всех уровнях развития науки и во многих её предметных нишах. Ядов – теоретик и методолог, человек, озабоченный строгостью социологических измерений и использованием математических методов при обработке социологической информации. Ядов – исследователь труда и качества жизни, ценностных ориентаций и поведения. Ядов – социолог и социальный психолог, аналитик, годами погружённый в разработку сложных теоретико-методологических проблем, и организатор науки. Он стоял во главе первой в СССР социологической лаборатории в Ленинградском государственном университете и был директором головного Института социологии РАН в сложные перестроечные и постперестроечные годы. Ядов заслуженно признаётся одним из создателей «Ленинградской социологической школы», а наши эстонские коллеги связывают с его именем становление современной эстонской социологии. Ядов – не только автор многих книг и статей, но и редактор ряда известных коллективных трудов, несколько лет он был редактором «Социологического журнала» и состоял в редакционных советах ряда отечественных и зарубежных изданий.

Владимир Александрович был не только учёным и учителем, но масштабной и в высшей степени харизматичной личностью, которой были присущи черты

русской интеллигенции и в которой неистребим был дух «шестидесятничества».

Ядов был публичной фигурой, он представлял науку и страну на многих крупнейших российских и международных социологических форумах, он нередко выступал в прессе, журналисты серьёзных изданий стремились побеседовать с ним. Стараниями его коллег и друзей в 2009 году, к 80-летию Владимира Александровича была издана объёмная книга «Vivat, Ядов!» [7]. Это большое число статей, в которых освещаются многие аспекты его научной и преподавательской деятельности, раскрываются его личностные свойства. Таким образом, большое число давно работающих социологов, не знакомых лично с Ядовым, и социологи новых поколений всё же имеют возможность познакомиться с ним, не только как с учёным и организатором науки, но и как человеком. Вместе с тем, на нас, современниках Ядова, на людях, работавших с ним, общавшихся с ним в официальных обстоятельствах и в неформальной обстановке, лежит ответственность за сбор и накопление документов о его жизни и работе, и именно мы должны предпринять первые попытки написания его научной биографии. Не сделав этого в ближайшие годы, мы автоматически лишим себя многих ценнейших страниц истории советской и постсоветской социологии.

В середине прошлого года Ядова не стало... Я уверен, что его вклад в становление и развитие нашей социологии, его личностные качества будут пристально изучаться историками российской социологии и станут предметом многих биографических и историко-социологических исследований. Признаюсь, очень сложно начинать разговор о Владимире Александровиче Ядове. Но и откладывать его на будущее нельзя.

Выше я назвал мою статью о Ядове, опубликованную в 2009 году. Однако наше знакомство состоялось в конце 1960-х годов, а мое изучение его биографии началось в 2005 году, когда Владимир Александрович согласился дать мне биографи-

ческое интервью. Текст нашей беседы – свыше трёх печатных листов – был опубликован в том же году [6]. Это наиболее полный, обстоятельный из всех существующих рассказов Ядова о своей жизни и о своей активности в пространстве социологии. Потом у нас была продолжительная методолого-биографическая дискуссия, затем еще одно интервью в 2014 году, накануне 85-летия Ядова; в нём обсуждаются некоторые события, происходившие в его жизни и российской социологии после завершения первого интервью [5]. Наконец, была наша электронная переписка, которая началась 25 сентября 2003 года и завершилась в середине ноября 2014-го, когда уже более не могла продолжаться.

Недавно «Социологический журнал» опубликовал три доверительных письма Ядова ко мне, из которых следует, что он допускал, что после его смерти я буду писать о нем. Приведу его слова: «...решил набросать эти заметки в твой архив, прекрасно понимая, что ты непременно опубликуешь мои саморефлексии в своих текстах биографий наших коллег по цеху, не исключая, на другой день после похорон бранных останков В. Я.» [1].

Через неделю после смерти Ядова я уже понимал, что не писать о его жизни и работе я просто не смогу, и тогда обострился вопрос о том, что и как писать. Более того, возникла потребность в разработке концепции, в рамках которой можно было изучать и творчество Ядова, и его влияние на становление и развитие советской социологии, а затем – на переходный процесс к постсоветской социологии. Общее представление о подобной концепции сложилось ко второй половине июля 2015 года, и заключается она в воссоздании «Мира Ядова». Первые, самые общие подходы к конструированию «Мира Ядова» были изложены в осеннем выпуске Питерского журнала «Телескоп» [4].

В моем понимании, «Мир Ядова» – это все, относящееся к его жизни и работе, ибо применительно к Ядову с уверенностью можно говорить, что работа занима-

ла доминирующее место в его жизни, и вся его жизнь была отдана делу. Сейчас трудно говорить о содержании «Мира Ядова», но можно не сомневаться в том, что он весьма велик, многообразен, интересен и многолюден. В письме, написанном в начале осени 2013 года, т. е. за несколько месяцев до своего 85-летия, Ядов итожил прожитое и начал свой текст словами: «Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь» [1, с. 152]. Так что «Мир Ядова» – это оптимистическое пространство. Полагаю, что освоение «Мира Ядова» – один из эффективных и захватывающих маршрутов в прошлое-настоящее нашей науки и место для попыток рассмотрения ее будущего. Разработка обозначенной темы была продолжена в недавно законченной книге «Мир Ядова», которая принята к изданию ВЦИОМ [2]. Настоящая статья во многом базируется на материалах этой книги.

История науки (и географии) свидетельствует, что «белые пятна» ликвидируются лишь усилиями исследователей многих поколений. Специфика нашего случая во многом определяется тем, что мы имеем дело с познанием биографии и наследия нашего современника, человека и ученого, имя которого известно всем живущим в нашей стране социологам, причем сотни из них были знакомы с Ядовым лично и десятки – знали его на протяжении многих лет. С одной стороны, это обстоятельство может способствовать интенсивному обследованию и картированию «Мира Ядова», но, с другой стороны, оно будет сдерживать в рассуждениях и утверждениях всех, кто будет писать о Ядове.

Теперь – зачем это надо? Самый общий ответ: жизнь, деятельность, наследие Ядова – значительная часть истории нашей науки. Но есть и другая цель: постижение механизмов творчества ученых, сделавших явные прорывы в науке, – одна из центральных задач науковедения и психологии творчества. И, конечно, одна из центральных тем истории науки.

2 мая 2010 года Ядов сообщил мне, что обсуждал с Н. И. Лапиным и О. Н. Яницким перспективы издания 10-томного собрания сочинений А. Г. Здравомыслова, и эта история побудила его составить список своих работ. И далее он заметил относительно этого списка: «Решил отправить тебе на случай, когда сыграю в ящик». Так получилось, что документ был неудачно прикреплен к «мейлу», и я попросил Ядова прислать документ ещё раз. И 4 мая он был повторно прислан мне с пометкой: «Старался. Сбрасываю то, что послал, что бы я сам отобрал для переиздания (2 мая 2010)». В этих работах – полезные данные о наших трансформациях и не стыдные тексты автора. В мемориум можно поместить весьма комплиментарную статью из лондонской Times: A self-taught sociologist? The Times Higher Education Supplement. Oct. 25, 1991. В ответ я писал: «Володя, раз ты сам поднял вопрос про «сыграю в ящик» – и правильно сделал... где-то Игорь Кон писал, что образ жизни не хотел изучать, но образ смерти – был готов, я хочу спросить тебя про твой архив... прежде всего есть ли он? Боря Грушин какую-то часть архива отдал в Стэнфорд, что с домашней частью, я не знаю... значительная часть архива Леонида Столовича – в Стэнфорде... но они вели, занимались этим... что с твоими бумагами? Ты не такой, как Боря Грушин, я не вижу тебя над архивными папками... но ты сам понимаешь, как это всё важно для науки...».

И вот 4 мая я получаю: «...научного архива у меня практически нет, есть пара папок с личными бумагами и несколькими конспектами лекций. Самое ценное – запись ситуаций с разработкой диспозиционной концепции, найти не смог, хотя и не очень старался».

Так что прямого, лёгкого и быстрого пути в обозначенный мир нет. Каждый историк науки будет искать свой вход в него и изучать его по-разному, потому надо быть готовым к появлению множества Ядовских «миров». Для меня смерть Ядова – это событие, пока осознанное

лишь в том плане, что я не могу ему написать или позвонить. Но всё это произошло настолько недавно, что не изменило характера нашего диалога; я постоянно ловлю себя на мысли о том, чтобы предложенное мною освещение «мира Ядова» было бы созвучно его пониманию себя. Оно должно быть честным, не помпезным и не скучным. Чтобы не ошибиться в своём изложении, я решил максимально использовать Ядовские тексты и материалы, написанные при его жизни сотрудниками, коллегами, друзьями Владимира Александровича.

Итак, мой исследовательский подход связан с построением особого, многомерного семантического пространства, которое я называю «Миром Ядова». Не вызывает сомнений многомерность мира каждого человека, и всё же мы должны признать большие различия в размерах и метриках этих индивидуально-личностных пространств и без особой аргументации принять то, что мир человека, прожившего более восьми десятилетий в сложнейшей, постоянно менявшейся социальной среде, и внёсшего своей деятельностью значительный вклад в развитие отечественной социологии, крайне сложен. Таким образом сейчас речь может идти лишь о создании достаточно простой модели этого мира с тем, чтобы потом достраивать её, усложнять и наполнять новыми данными.

В нашей историко-социологической литературе говорят о «феномене Ядова», о Ядове как «явлении», о «человечном человеке науки», отмечают, что «Ядов – это эпоха» и так далее. В принципе, всё это верно, но в исследовательских целях понятие «мир» представляется мне более подходящим, конструктивным. «Феномен», в моей интерпретации, – более статичен, краткосрочен, чем «мир», более локален. Понятие «эпоха» всё же в первую очередь – социально-временное. В моём понимании, «Мир» – априори пространственен, многомерен, красочен и в нём непременно есть временная ось.

Сейчас я вижу «Мир Ядова» как семантическое (информационное) пространство, имеющее три важнейших подпространства, каждое из которых в свою очередь обладает сложным, многоячеичным и слоевым строением. Первое из этих подпространств может быть названо «личностным». В нём могут быть расположены (или из него можно черпать) данные о становлении личности Ядова и его личностных особенностях, о процессах его профессионализации и вхождения в научное сообщество. Второе подпространство – условно – «профессиональное». Прежде всего – это всё, что относится к проведённым Ядовым исследованиям и работе над книгами. Условность такого обозначения этой области «Мира Ядова» заключается в том, что личностное и профессиональное в жизни Ядова очень переплетены, его творчество – высокобиографично. Третье подпространство назовем «коммуникационным», прежде всего, оно – конечно же – профессионально-коммуникационное. Ведь для историко-социологического исследования интересны сфера и характер внутрицеховой коммуникации Ядова: его российские и иностранные коллеги, сотрудники, аспиранты. Сложность изучения этой части «Мира Ядова» определяется в первую очередь собственно богатством, яркостью коммуникативных способностей Ядова, а также географией и долголетием его профессиональных контактов.

Как в любом историко-биографическом исследовании, присутствует в нашем изучении «Мира Ядова» ещё одна переменная, или ещё одно направление – время. В процессе изучения «Мира» удобно следовать хронологии жизни Ядова, но это далеко не всегда можно будет сделать. Зачастую, как это бывает в жизни каждого, невозможно расщепить и уложить во временной упорядоченности то, что крепко связано в предметном плане.

Мне на собственном опыте известны многие подводные камни, осложняющие работу историка-биографа, особенно в

том случае, когда приходится рассказывать об учёном, которого многие современные читатели знали лично, видели его или, по крайней мере, работы которого читали. Понятно, что Ядов относится именно к этой группе социальных исследователей.

Так случилось, что изучение биографий российских социологов я начал после достаточно продолжительной работы по истории зарождения и развития исследований общественного мнения в США и изучения жизненных траекторий первых американских полстеров. Тогда я писал о людях, после смерти которых прошло несколько десятилетий и которых я никогда не видел, к тому же писал для аудитории, в которой лишь единицы знали отдельных из моих героев. Всё начиналось буквально с нуля, иногда даже само имя героя будущего историко-биографического поиска открывалось мне случайно, и знание биографии этого человека становилось *итогом* изучения различных материалов о нём и ознакомления со сделанным им. Написание биографии – это всегда общение со своим героем. Когда размышляешь о жизни человека, которого не видел, не знал, которому не смотрел в глаза и рукопожатия которого не помнишь, то общение с ним сводится к *мысленному диалогу*. Если же героем историко-биографического изучения является человек, которого знал долгие годы, с которым обсуждал профессиональные и житейские проблемы, с которым встречался на работе и в его доме, если видишь его глаза, слышишь его голос и помнишь тепло его рук, то работа над биографией превращается в сложный, очень интимный *мысленно-чувственный диалог*, в своего рода воспоминание-размышление, в котором доминирует сложившееся годами отношение к этому человеку.

Мне приходилось писать о Б. А. Грушине, Т.И. Заславской, А. Г. Здравомыслов, Я. А. Кугеле, В. А. Ядове при их жизни и после их смерти. Переживаешь абсолютно разные ощущения. В первом случае имеешь дело собственно с биогра-

фией, во втором – с постбиографией, как бы прикасаешься к судьбе человека. Поясню сказанное.

В моих исторических исследованиях анализ биографии умершего человека протекает в трёх зонах. Первая зона – *предбиография*; анализ фокусируется на родительской семье человека, пытаешься заглянуть в мир, в который он вошёл, в котором протекала его первичная социализация, формировалась система его ценностей, понять особенности среды, принципами и нормами которой он осознанно, а часто – неосознанно руководствовался в жизни.

Впервые я встретился с настоящей, глубокой предбиографией в 1999–2000 годах при ознакомлении с биографией Джорджа Гэллапа. В одном из “Who is who” мне попалось упоминание о том, что он относится к десятому (!) поколению американцев, и что его первый американский предок (это зафиксировано в хрониках освоения Нового Света) прибыл в Америку в 1630 году. Я обратился в The Gallup Family Association, общество, координирующее все генеалогические поиски членов огромной глобальной семьи Гэллапов, за помощью в информации об этом клане и получил в подарок крупноформатную книгу, содержащую вводную информацию обо всех представителях 14 поколений этой семьи. Конечно, это суперредкий случай в историко-биографических раскопах, относящихся к людям, не принадлежащим к старым дворянским родам.

Вторая зона изучения траектории жизни человека охватывает собственно его *биографию*; это касается того, как складывалась и протекала, под воздействием каких обстоятельств и т. д. его жизнь от рождения до смерти. Всё, что происходит позже, – дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой человек работал, и прочее – не в силах изменить собственно траекторию его жизни и окружавшее его некогда социокультурное пространство. Всё это уже произошло, состоялось, завершилось.

Постепенное раскручивание представлений о предбиографии и биографии вывело меня на понятие *биографичности* творчества социолога, т. е. отражения в его деятельности особенностей его биографии.

Третья зона историко-биографического анализа – исследование и одновременно создание *постбиографии* человека. Начало постбиографии человека – момент его смерти. Продолжительность постбиографии может быть достаточно короткой, но может быть и фактически бесконечной. Постбиография является функцией (продолжением) биографии и комплекса внешних обстоятельств различной природы. Чтобы это понять, достаточно ознакомиться с доперестроечными и современными жизнеописаниями Николая II и первых руководителей советского государства.

Время придаёт прожитой человеком жизни новый смысл, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь (собственно биография) и связано с ним после её завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна, точнее сказать – судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. И судьба – многомернее биографии. Сейчас мы являемся свидетелями начала постбиографии Ядова, и в значительной степени именно от нас зависит то, как сложится его судьба.

Пора понять и сказать, что всем нам повезло быть современниками, коллегами, учениками человека, осознавшего своё предназначение и нашедшего своё счастье в том, что он смог полностью исполнить его. Очень многие из нас общались – лично или через его книги – с человеком из другого мира, наделённого уникальным социальным чутьём и понимаем. И даром делиться своими знаниями.

Библиографический список

1. Докторов Б. З. В. А. Ядов: «Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь» // Социологический журнал. – 2015. – Том 21. – № 3. – С. 146–154.
2. Докторов Б. Мир Ядова. Фонд содействия изучению общественного мнения “Vox populi”, 2016 (в печати).
3. Докторов Б. Правофланговый, или советская социология начинается с буквы «Я» // Полит.Ру. URL: <<http://www.polit.ru/science/2009/04/25/yadov80.html>>
4. Докторов Б., Илле М. Мир Владимира Александровича Ядова. По страницам «Телескопа» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2015. – № 4. – С. 42–46.
5. Ядов В. А.: «Все зависит от нас самих» (Интервью Б. З. Докторову) // Социологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 141–158.
6. Ядов В. А. «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет... (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. – 2005. – № 3. – С. 2–11; 2005. – № 4. – С. 2–10.
7. Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею : сборник / ред.-сост. Данилова Е. Н., Козлова Л. А., Козырева П. М. и др. – М. : Институт социологии РАН, 2009.

Bibliograficheskiy spisok

1. Doktorov B. Z. V. A. Jadov: «Ja by skazal, chto prozhil udivitel'no schastlivuju zhizn'» // Sociologicheskij zhurnal. – 2015. – Tom 21. – № 3. – S. 146–154.
2. Doktorov B. Mir Jadova. Fond sodejstvija izucheniju obshhestvennogo mnenija “Vox populi”, 2016 (v pechati).
3. Doktorov B. Pravoflangovyy, ili sovetskaja sociologija nachinaetsja s bukvy «Ja» // Polit.Ru. URL: <<http://www.polit.ru/science/2009/04/25/yadov80.html>>
4. Doktorov B., Ille M. Mir Vladimira Aleksandroviča Jadova. Po stranicam «Teleskopa» // Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovanij. – 2015. – № 4. – S. 42–46.
5. Jadov V. A.: «Vse zavisit ot nas samih» (Interv'ju B. Z. Doktorovu) // Sociologicheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 141–158.
6. Jadov V. A. «...Nado po vozmozhnosti vlijat' na dvizhenie social'nyh planet... (Interv'ju B. Z. Doktorovu) // Teleskop: nabljudenija za povsednevnoj zhizn'ju peterburzhcev. – 2005. – № 3. – S. 2–11; 2005. – № 4. – S. 2–10.
7. Vivat, Jadov! K 80-letnemu jubileju : sbornik / red.-sost. Danilova E. N., Kozlova L. A., Kozyreva P. M. i dr. – M. : Institut sociologii RAN, 2009.

© Докторов Б. З., 2016